

Central Asia Program

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

CIDOB

BARCELONA
CENTRE FOR
INTERNATIONAL
AFFAIRS

О методологической и логико- эпистемологической ситуации в общественно-гуманитарных науках Центральной Азии

В. С. Хан

Исследователь, стипендиат программы Фулбрайт, Центр изучения России, Восточной Европы и Евразии, Университет Канзаса

**Редакция сайта приносит извинения за допущенные ошибки в сносках при первоначальной публикации статьи. Данная версия исправлена в соответствии с оригиналом*

главный пункты

- После распада СССР в общественно-гуманитарных науках (ОГН) постсоветской Центральной Азии произошли глубокие изменения.
- Но преподавание ОГН продолжает сохранять родовые пятна советского обществознания.
- Описанная ситуация имеет характер *регионального инварианта*, хотя в каждой из стран Центральной Азии есть и свои особенности.

Введение

После распада СССР в общественно-гуманитарных науках (ОГН) постсоветской Центральной Азии произошли изменения, которые можно зафиксировать в следующем:

- произошел отказ от многих советских идеологем;
- получили очертания новые базовые идеи и методологические подходы;

в СССР ОГН имели не только научно-познавательную функцию, но и идеологическую. После распада СССР у элит новых государств появилась потребность в легитимации новых идеологий и политического курса

- в тематическое поле вошли ранее не разрабатываемые направления;
- введено в оборот большое количество новых, в том числе и ранее закрытых, архивных документов.

Практически во всех учебниках и научных публикациях говорится о новом облике ОГН в годы независимости, которые ожидают на принципиально иных методологических подходах. В связи с этим обсуждение вопроса о том, что собой представляют эти подходы, и какова логико-эпистемологическая ситуация в ОГН Центральной Азии в целом, представляется назревшим и актуальным.

Выводы статьи основаны на знакомстве автора с ситуацией в исторической науке, философии, социологии и этнологии. Если же говорить о территориальном срезе, то независимо от того, из какой страны представлены те или иные примеры статьи, ее выводы применимы ко всему центрально-азиатскому региону. Иначе говоря, описанная ситуация имеет характер *регионального инварианта*, хотя в каждой из стран Центральной Азии есть и свои особенности.

Особенности ОГН в транзитный период

Итак, в чем главная особенность ОГН в постсоветской Центральной Азии? Ответ прост и заключается в том, что мы живем в эпоху перемен, что обуславливает транзитный характер ОГН.

Тогда возникает другой вопрос, а в чем методологические особенности транзитного состояния в ОГН в условиях смены общественно-

политической системы? Нам представляется, что эти особенности могут быть описаны следующим образом:

- возникновение вакуума или ситуации методологической неопределенности на ранних этапах переходного периода (отказ от старых парадигм и отсутствие новых);
- заполнение методологического вакуума политико-идеологическими элементами (научным считается то, что работает на «колесо истории» – на стратегические ориентиры новых государств и, прежде всего, идеологию государственного строительства); в силу этого развитие ОГН становится привязанным к задачам этого строительства;
- снижение строгих критериев научности (на первый план выходят «революционные» и идеологические аргументы, которые начинают определять базовые идеи и эмпирический материал в ОГН), в силу чего наука представляется общедоступным полем деятельности (любой чиновник способен определять «правильность» или «неправильность» тех или иных научных взглядов);
- эклектичность как следствие теоретико-методологической неопределенности;

- радикализм или «болезнь роста» как следствие того же порядка;
- сохранение родовых пятен прежней науки.

Отношение к советской ОГН

Признавая все изменения, обозначенные во Введении, тем не менее, можно и нужно говорить о том, *насколько далеко и в чем* ушли современные ОГН в Центральной Азии от советской науки. Данный вопрос не случаен,

науке и идеологии, в современных ОПГ стран Центральной Азии можно обнаружить явные следы советского наследия (как по форме, так и по содержанию).

Сердцевиной советской ОГН и идеологии является «марксизм»/«марксизм-ленинизм». Я ставлю данные понятия в кавычки, потому что вопрос об аутентичности марксизма и советского марксизма-ленинизма отнюдь не простой. Сам Маркс, ознакомившись с взглядами ряда своих последователей, объявивших себя

Исторические процессы, особенно события XIX–XX вв., а также современность, оцениваются по принципу «или – или», через призму черно-белого восприятия

поскольку после распада СССР ОГН в странах региона строятся на основе официального дистанцирования от советской науки и даже диаметрального противопоставления ей.

Конечно, из академической лексики исчезли такие понятия как «социализм», «научный коммунизм», «общественно-экономическая формация», «классовый подход» «пролетарский интернационализм» (и просто «интернационализм»), «дружба народов», «религиозно-феодалные пережитки» и другие. В научных изданиях и докладах на конференциях обществоведы подчеркивают, что они отошли от марксизма-ленинизма и выработали новые методологические подходы. Общий пафос этих заявлений заключается в том, что ОГН в СССР были идеологизированы, в то время как в годы независимости они базируются на «объективном» и «научном» подходах, которые и соответствуют «современной мировой» науке.¹

В силу массового характера этих заявлений зададимся вопросом: действительно ли методологические подходы и понятийный аппарат советской ОГН канули в Лету? Ведь декларация отказа не всегда означает, что отказ реализуется на практике. Мне представляется, что, несмотря на декларацию оппозиции советской

марксистами, вынужден был заявить: «Я знаю только одно, что я не марксист».² Что касается советского марксизма-ленинизма, то Эрих Фромм, один из его компетентных критиков, писал: «Русские коммунисты присвоили себе марксистскую теорию и попытались убедить мир, что они в своей теории и практике являются последователями Маркса... хотя на деле все стоит как раз наоборот».³ Такую же оценку советского марксизма-ленинизма можно найти и в других работах западных экспертов.⁴ Иначе говоря, можно говорить о различных «марксизмах», настолько отличающихся друг от друга (западный неомарксизм, маоизм, северокорейское чучхе, христианский марксизм, фрейдомарксизм и т. д.), что возникает вопрос: «А об одном ли учении идет речь?»

Таким образом, существуют взгляды Маркса и существуют «марксизмы».

Почему мы обращаем внимание на данное различие? Дело в том, что когда центрально-азиатские обществоведы говорят, что они отказались от марксизма/марксизма-ленинизма, то под этим *большинством* из них понимается вся интеллектуальная традиция от Маркса до работ советских, китайских, северокорейских и иных «марксистов». Иначе говоря, марксизм

видится как *гомогенная*, с небольшими различиями, традиция. Любой, кто использует марксистскую *фразеологию*, может быть причислен к «марксизму», независимо от того, насколько это согласуется с взглядами самого Маркса. Даже, если некоторые различия внутри марксизма и признаются, они не имеют принципиального характера. Таким образом, в одной лодке оказываются Сталин, Ким Ир Сен, Дьёрдь Лукач и Теодор Адорно. Как правило, такое понимание марксизма вытекает из *незнания* трудов, определяющих ту или иную «марксистскую»

стоящей из преподавателей различных вузов. Придя в аудиторию, я обнаружил, что вся группа на месте. На мою похвальную реплику по поводу стопроцентной посещаемости один из слушателей пояснил, что все хотят послушать о современных западных школах, так как в вузах дана установка обновить лекционные курсы в соответствии с «требованиями времени», не читать марксистско-ленинскую философию, а давать учебный материал согласно «современным тенденциям в мировой философии».

Еще одной методологической характеристикой ОГН в Центральной Азии является отсутствие междисциплинарных исследований

традицию, будь то работы Маркса, Ленина, Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена, Франкфуртской школы, Г. Маркузе, Э. Фромма и т. д.

Возьмем к примеру философию. Даже в советское время многие центрально-азиатские преподаватели «марксистско-ленинской философии» не читали трудов основоположников марксизма, а свои лекции готовили на основе учебников. Эта традиция продолжается по сей день, тем более игнорирование или критика классиков марксизма стали негласной нормой. Однако советские учебники по философии до сих пор востребованы – как говорится, старый конь борозды не портит. Если обратиться к лекционным курсам по философии, читаемым в годы независимости, то можно обнаружить, что содержание многих тем по-прежнему близко к советским учебникам, как по духу, так и по терминологическому аппарату. Приверженность (конечно, не декларируемая) советской философии объясняется тем, что многие преподаватели вузов не знали и преимущественно до сих пор не знают современных западных философов.

В связи с этим вспоминается одна история из практики моего преподавания философии в Институте повышения квалификации при Ташкентском государственном университете (1988-1997).⁵ В начале 1990-х годов я читал спецкурс по западной философии XX века в группе, со-

Прослушав лекцию о неопозитивизме и постпозитивизме, слушатели признались, что они мало что поняли, и попросили рассказать о какой-нибудь философии, которая «полегче». А после лекции по экзистенциализму, один пожилой преподаватель, выражая общее мнение, попросил: «А нельзя ли рассказать о какой-нибудь философии, которая похожа на марксистскую, но на самом деле таковой не является. Ведь мы всю жизнь были марксистами и преподавали только марксистско-ленинскую философию, и других философий не знаем. Ее сейчас запрещают читать, а вот если бы была похожая философия, но не марксистская, нам было бы легче».

Таким образом, люди, считавшие себя приверженцами определенной философии, были готовы легко променять ее на другую. Соответственно, возник вопрос о характере этой приверженности, о том, в какой мере эти преподаватели были марксистами и знакомы с марксизмом «из первых рук». И я спросил, кто из аудитории читал такие труды классиков этого учения, как «Немецкая идеология», «Святое семейство», «Анти-Дюринг», «Материализм и эмпириокритицизм», и был поражен, когда из всей группы менее трети подняли руки. Когда же я поинтересовался, насколько поднявшие руки знают эти работы, чтобы мочь их обсуждать, то половина опустила руки. Тогда я спросил, а есть ли в группе люди, кто брал в руки «Капитал», основное произведение Маркса. Таковых оказа-

лось двое. На вопрос, чему посвящена 1-я глава, и эти две руки опустились.

Складывалась парадоксальная ситуация: преподаватели, которые всю жизнь читали в вузах «марксистско-ленинскую философию» были не знакомы или мало знакомы с произведениями ее классиков. Тогда, на основе чего они читали свои лекции? Оказалось, по ответам слушателей, на основе учебников, а иногда некоторых работ советских авторов.

На деле отказ от «марксистско-ленинской» философии после распада СССР для большинства центрально-азиатских философов имел *формальный* характер: не использование имен Маркса, Энгельса, Ленина, а также категорий «научного коммунизма». Однако многие понятия и методологические подходы, правда, значительно упрощенные, остались, и по-прежнему используются в стиле советской философии.

Или, возьмем этнографию/этнологию (культурную антропологию). В Узбекистане, несмотря на *внешнюю* критику советской примордиальной теории этноса, эта теория по-прежнему является базовой в учебной литературе. Попытка же рассмотреть, например, этногенез узбеков через призму конструктивизма,⁶ распространенного в западной антропологии, не только не увенчалась успехом, но и была подвергнута критике со стороны местных академических кругов.⁷

Я вижу, по крайней мере, три основные причины, почему в период независимости преподавание ОГН продолжает сохранять родовые пятна советского обществознания.

Первая причина, о ней уже было сказано, – это незнание зарубежных школ среди большинства преподавателей ОГН, особенно в областных вузах. Некоторые из них только слышали имена западных мыслителей, а некоторые – даже не слышали. Преподаватели не знают иностранных языков, количество западной литературы даже в университетских библиотеках столицы ограничено, а в областных библиотеках ее вообще нет. Для этой категории преподавателей остается одно – пользоваться советской литературой или современной отечественной,

которая написана преимущественно на основе советско-российских источников. В большинстве работ по ОГН ссылки на иностранных ученых и зарубежные издания либо отсутствуют, либо крайне незначительны и представлены формально. И только очень не многие преподаватели ОГН более или менее представляют содержание тех или иных западных доктрин.

Поскольку большинство обществоведов не знают западных теорий, то оперирование этими теориями подменяется игрой в слова.

Так, дискуссии относительно известных теорий ведутся не по самому содержанию теорий, а исключительно по их заголовкам («Столкновение цивилизаций», «Конец истории» и т. д.), что спускает их с академического уровня на обывательский. Так, на конференциях можно часто слышать критику теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Вся проблема заключается в том, что дискуссанты не читали саму книгу (это солидный труд из 368 страниц), а слышали о ней из каких-то других источников, в результате чего их «мнение» теряет всякую ценность, поскольку не имеет никакого отношения к тексту американского ученого. Или часто можно слышать на тех же конференциях из уст профессоров, что они отказались от формационного подхода и взяли на вооружение цивилизационный подход (кстати, теория С. Хантингтона основана на цивилизационном подходе). На проверку оказывается, что эти профессора смутно представляют, что такое цивилизационный подход (равно как и формационный, если не сводить его к схематичной «пятичленке») и не читали ни О. Шпенглера, ни А. Тойнби, ни П. Сорокина, и как выше было отмечено, ни С. Хантингтона.

Незнание зарубежных теорий и методологий также связано с отсутствием потребности в них. Как можно прочесть во всех диссертациях, защищенных по ОГН, их теоретико-методологической основой являются труды президентов соответствующих стран.

Например, о какой потребности в зарубежных теориях в области истории может идти речь в Туркменистане и Таджикистане, если их президенты (Э. Рахмон и покойный С. Ниязов) пишут

исторические статьи и фолианты? А ведь в них дается толкование специальных вопросов исторической науки, таких как этимология этнонимов и топонимов, обоснование исторических дат, направление и состав миграционных потоков, возраст и ареалы происхождения того или иного народа и т. д. Если учесть авторитарный характер политических систем данных стран и тот факт, что авторами являются руководители государств, то подобные труды не оставляют места дискуссиям, гипотезам и альтернативному видению истории. Все историки должны заниматься только подтверждением изложенной главой государства взглядов на историю.

Вторая причина заключается в особом положении представителей старшего поколения в местном научном сообществе, что было также типичным как для советской ОГН, так и для системы функционирования знания в досоветской Центральной Азии. Сегодняшние «патриархи» делали свою карьеру в советское время. Многие из них и тогда не знали западных теорий. Требование использования западных теорий (неизвестных для них) создает для них ситуацию дискомфорта и угрозы своему научному авторитету (хотя отсутствие такового никогда не мешало посредственным ученым занимать высокие административные позиции в научных и образовательных учреждениях).

В этой ситуации их реакция заключается в следующем: либо блокировать новые теории и понятия, либо упрощать их. Упрощение есть способ разрушить целостность теории, свести сложное к простому, и, в конечном счете, интегрировать эти «простые элементы» в свой тип привычного (догматического) знания. Такое упрощение, в отличие от научной популяризации, является выхолащиванием и вульгаризацией исходного знания. Так было в советское время, когда выхолащиванию и вульгаризации, а затем догматизации подвергся марксизм⁸, то же самое происходит и сегодня – поменялся лишь объект приложения этих процедур.

Третья причина связана с особенностями системы образования и функциями ОГН в странах Центральной Азии. Известно, что в СССР

ОГН имели не только научно-познавательную функцию, но и идеологическую. После распада СССР у элит новых государств появилась потребность в легитимации новых идеологий и политического курса. Для этого как нельзя лучше подходил прежний, отлаженный способ формирования лояльного и определенным образом ориентированного мышления посредством новых концепций в ОГН, а затем их внедрения в систему образования и средства массовой информации.

Характеристика

методологической и логико-эпистемологической ситуации в ОГН

Таким образом, образ мышления и условия функционирования ОГН, сформированные в СССР, по-прежнему влияют на облик ОГН в Центральной Азии. Если говорить более конкретно, то родовые пятна советского общественнознания выражены в следующем.

Научные стандарты versus идеология. Как и в СССР, так и в постсоветской Центральной Азии на ОГН сильное влияние оказывает идеология. К чему ведет соединение науки с идеологией (а в случае «Рухнамы» мы видим полную подмену науки идеологией)?

Во-первых, к потере научной самостоятельности и к заданности результатов «научного поиска» (понятно, что при заданности о научном поиске не может быть и речи). Многие обществоведческие работы в Центральной Азии, особенно по новейшей истории, социологии и политологии, носят вторичный и комментаторский характер, представляя собой не новаторские исследования, а обоснование задним числом текущей политики и речей президента страны. Это ведет к потере инструментальности и эвристичности науки, распространению эпигонства и плагиата. Знание зарубежных школ и течений становится не обязательным, что, в свою очередь, ведет к замкнутости, а значит – к провинциализму науки в данной стране.

Во-вторых, к декларативному и лозунговому характеру научных работ, что отражается в формулировках тем диссертационных исследований.

В-третьих, к подмене *темы* исследований *направлениями* исследований, что делает более явным их соответствие идеологическим клише. Тем самым решение научных проблем подменяется эмпирическим сбором «материала» по определенному направлению.

В-четвертых, к включению в ткань научной аргументации выдержек из работ или речей руководителя государства и образцов житейской мудрости. Зачастую они используются в качестве основного аргумента. Подобная форма «доказательства» являлась распространенной и в советском общественном сознании. С точки зрения логической формы это *непосредственная дедукция* конкретных выводов по специфическим научным темам из общих постулатов (идеологических клише, высказываний авторитетов, пословиц), служащих легитимацией этих выводов.⁹

В-пятых, к обеднению категориального аппарата и его сращиванию с публицистическим (идеологическим) и обыденным языком, повсеместному использованию трафаретных идеологических клише. Терминологическая простота делает ОГН общедоступными и дает возможность управлять ими, даже если управляющие не имеют соответствующего образования.

В-шестых, к трансформации методологических основ исследований (замене научных теорий идеологическими конструктами). В основе любой научной методологии лежит та или иная теория, или совокупность неких научных концептуальных положений. Отсутствие таковых ведет к потере одной из главных особенностей современной науки – теоретичности. Как результат, в ОГН начинают доминировать дескриптивизм и поверхностные индуктивно-эмпирические обобщения.

Показательны в этом отношении диссертации, защищенные по отношению Узбекистана с другими странами или международными ор-

ганизациями, содержание которых сведено к констатации эмпирических фактов (причем, селективных) – подписанных документов, объема товарооборота, количества СП, визитов правительственных делегаций, дней культуры и т. д. Тем самым, научная диссертация сводится к расширенной информационной справке. Анализ проблемных зон отсутствует, все сводится к «сотрудничеству», его «развитию и совершенствованию», что лишает эти «исследования» инструментальной и прогностической функции. Какое-либо обсуждение известных теорий международных отношений и возможность (или невозможность) их применения к анализу внешних отношений Узбекистана отсутствует.

Таким же дескриптивизмом страдают и диссертации по этнологии, которые лишь описывают предметы материальной культуры и обряды.

В-седьмых, к идеологической селекции эмпирического материала или подгонки его под поставленные задачи, что также было характерно для советской науки.

Возьмем, к примеру, социологию. В исследованиях, посвященных межнациональным отношениям, выборка зачастую берется в соответствии с пропорциональным представительством (или близким к нему) этнических групп в составе населения республики, города или организации, где проводится исследование. Подобный подход, где большинство опрашиваемых совпадает с этническим большинством, что составляет 70-80%, может быть оправдан при изучении деятельности транспортных или коммунальных служб. Однако в области национальной политики и межнациональных отношений, когда необходимо выявить их точечное восприятие различными этническими группами, подобная методология не работает.

Например, в одном из проведенных в Узбекистане опросов по выявлению межнациональной толерантности ташкентцев (2008 г.), было опрошено 414 человек: 74,6% узбеков, 10,5% русских, 7% казахов, 3,5% татар, 2,6% таджиков, 1,8% представителей других национальностей.¹⁰ Сама структура выборки такова, что любой более или менее консолидированный ответ узбекских респондентов будет

автоматически означать более 70% удельного веса мнения всех опрошенных ташкентцев. С одной стороны, с этим можно согласиться, если речь идет о состоянии дорог столицы. Но поскольку речь идет о межнациональной тематике, было бы неправильным считать, что оценка узбекских респондентов по данному вопросу в целом отображает общественное мнение *многонационального* города (здесь понятие «многонациональный» имеет принципиальное значение), что автоматически вытекает из структуры выборки. В самом методологическом подходе уже изначально заложено искажение репрезентативности результатов.

Видимо, авторы опроса были заинтересованы не столько в реальной картине происходящих процессов, сколько в создании некоей «хорошей», идеологически выверенной картинки. Но *точное* документирование восприятия этническими группами национальной политики и межэтнических отношений – это та необходимая эмпирическая основа, на которой и может делаться научный диагноз этнополитических процессов и строиться выверенная национальная политика.

В-восьмых, в результате снижения и вымывания строгих научных стандартов, к распространению квазинаучных элементов и мифов. Особенно они получили распространение в исторической науке.¹¹

(1) *Прошлое и настоящее*. Прошлое занимает особое место в современных идеологических конструктах и ОГН независимых государств. «Правильно» понятое, оно становится легитимацией настоящего – статусных позиций народов и государственной политики. Это проявилось в концепции *безусловного исторического права* титульной нации на доминирование в данном государстве. Хотя узбеки, казахи, туркмены, таджики и кыргызы веками жили на территории Центральной Азии, сегодня в новых государствах – через ОГН – обосновывается мысль об историческом праве титульной нации на данную территорию.

Так, в Конституции Казахстана в преамбуле записано: «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидая государ-

ственность на исконно казахской земле...». В чем смысл идеи исторического права данного этноса на «исконную» землю? Прежде всего, в легитимации доминирования в современном государстве.

Обсуждая идею государственной идеологии Казахстана об «интегрирующей роли казахской культуры» для всех народов страны, известный казахский ученый Н. Масанов писал: «Следуя этому, в общественном сознании казахов устойчиво утвердилась идеология, в соответствии с которой казахи как коренной этнос имеют безусловное право на политическое доминирование на территории Казахстана. Их язык становится государственным языком, а казахская культура играет интегрирующую роль для «всех этнических групп в стране». Следовательно, представители казахского этноса обладают «естественным» и «историческим» правом занимать высшие правительственные посты и получать преференции в отношении высшего образования, продвижения по службе, изучения своей культуры и истории».¹²

Конечно, такого рода подход предполагает академическое обоснование. В связи с этим, японская исследовательница Нацуко Ока пишет: «История была мобилизована, чтобы помочь идее, что только казахи имеют право претендовать на статус коренного народа Казахстана».¹³

Чтобы обосновать право на доминирование, вводится понятие «автохтонного населения» или «коренного этноса».¹⁴ В связи с этим возраст данного народа начинает искусственно удревняться. А главным аргументом становятся труды и речи президентов стран региона. Так, в «Рухнама» мы читаем: «Туркмены потому великий народ, что сумели заставить своих, и чужих историков признать свой возраст – 5000 лет».¹⁵ В Таджикистане президент заявляет, что «таджикская история и цивилизация» насчитывает более 5000 лет.¹⁶ Не трудно догадаться, что эти цифры начинают тиражироваться в учебниках и научных изданиях. В связи с этим известный узбекистанский археолог Э. В. Ртвеладзе пишет: «Однако это полностью противоречит всем данным исторической и других наук. Наука до сих пор абсолютно не располагает данными не только о языке племен Средней Азии в то вре-

мя, но и о названиях народов, обитавших здесь, каковые появляются только в VII - VI вв. до н.э. и содержатся в «Авесте», в трудах древнегреческих историков и в наскальных надписях ахеменидских царей. Что же касается названий современных народов Средней Азии, то они появляются лишь в эпоху средневековья». ¹⁷

Прошлое стало яблоком раздора. Одни и те же государства в древней и средневековой истории Центральной Азии стали предметом ожесточенных дискуссий между народами-соседями по поводу их этнической принадлежности. То же самое наблюдается и по отношению к выдающимся мыслителям и политическим деятелям Центральной Азии. Этноцентристские модели истории Центральной Азии стали базисными элементами новых государственных идеологий и академических теорий. ¹⁸

(2) *Прошлое и будущее.* В идеологических конструкциях современных центрально-азиатских государств определенным образом понятие прошлое выступает в качестве естественного и логически оправданного моста к определенно ожидаемому будущему. Идея *великого будущего* постулируется как логическое следствие из идеи *великого прошлого*. «Характерной чертой этноцентрического мышления, – пишет А. Кусаинов, – является ориентация на прошлое, которое принимает образ «светлого будущего»». ¹⁹ Прошлое становится формой легитимации притязаний на «достойное место в мировой цивилизации». ²⁰ Как отмечает президент Таджикистана: «Почитание прошлого – это одно наше крыло, а наши сегодняшние заслуги по обустройству Родины прадедов и обеспечению спокойной жизни для народа – это другое крыло, и оба они вознесут нашу нацию в высокий полет к процветающему и достойному будущему». ²¹ Эта легитимация имеет разные формы: от концепции ускоренного социально-экономического развития (Казахстан) до концепций процветающего и достойного будущего (Таджикистан), великого будущего (Узбекистан) и «Золотого Века» (Туркменистан).

Дихотомичность мышления. Исторические процессы, особенно события XIX–XX вв., а также современность, оцениваются по принципу «или – или», через призму черно-белого восприятия

(«положительно – отрицательно», «истинно – ложно»). Конечно, данный способ *оценочного* восприятия был присущ всем историческим эпохам. В XX веке он стал выражением противостояния двух мировых социально-политических систем. Мышление времен холодной войны является по своей сути дихотомичным. Дихотомичность – характернейшая черта и советского общественнознания, где все исторические процессы рассматривались либо как прогрессивные, либо как реакционные.

Данный тип мышления основан на формально-логических законах противоречия и исключенного третьего, сформулированных Аристотелем.

Однако еще в XVII в. Кант показал, что с переходом рассудка (эмпирического мышления) в сферу разума (теоретического мышления) субъект познания сталкивается с антиномиями (конъюнкцией противоречащих и в то же время в равной мере обоснованных суждений). ²² После Канта стало ясно: «Несовместимость ... существует не только между истиной и не истиной, но и в рамках самой истинности и неистинности». ²³

Дальнейшим этапом в развитии диалектики антиномий стала логика Гегеля, в которой закон исключенного третьего был подвергнут критике. ²⁴ Согласно Гегелю: «Истинное... значение антиномий заключается вообще в том, что все действительное содержит в себе противоположные определения и что, следовательно, познание ...предмета в понятиях как раз и означает познание его как конкретного единства противоположных определений». ²⁵ Тем самым Гегель показал, что построение теоретической системы мышления антиномично в своей основе, что стало одним из постулатов современной методологии науки.

Исследования по истории науки подтверждают, что антиномии и их разрешение на путях синтеза являются закономерной стадией в развитии как естествознания, так и общественнознания. Классическим примером является признание корпускулярно-волнового дуализма света. Данный вывод выходит за рамки эмпирического мышления, признававшего либо волновую

природу света, либо корпускулярную. Позднее корпускулярно-волновой дуализм был обнаружен по отношению к электронам и другим элементарным частицам. Это привело к выводу, невозможному в рамках эмпирического мышления, но являющегося важнейшей частью современной теоретической физики: частица есть волна, а волна есть частица. В более широком плане, выходящего на уровень методологических требований, необходимость данного типа мышления в физике была постулирована в *принципе дополненности* Бора.

Современные исследования показывают, что мышление по типу «или – или» не способно объяснить всю сложность исторических процессов. Ответы на вопрос, что есть истинно, а что – нет, равно как ответы на вопрос, что хорошо, а что плохо, с точки зрения современной методологии могут быть разными, в зависимости от того в какой системе координат (гносеологической, ценностной и социальной) обсуждается данный вопрос, от масштаба исторического времени, мега- и микро-трендов. Речь идет о том, что в зарубежную историческую науку еще в XX веке проникли идеи относительности и многозначной логики, в то время как историческая наука в Центральной Азии по-прежнему оперирует категориями дихотомичного мышления.

Советская фразеология. Экспрессивно-аксиологическая лексика. Дихотомичное мышление неизбежно порождает и соответствующую эмоционально-оценочную лексику. Каждому положительно или отрицательно оцененному факту (историческому периоду и т. д.) соответствует определенный экспрессивно-нагруженный лексический ряд.

По стилистике и терминологии современные тексты, особенно в области новейшей истории, социологии и политологии, очень близки к советской фразеологии: «поступательное развитие», «прогрессивные мыслители», «в братской семье народов», «подрастающее поколение», «высокие нравственные ценности», «истинные ценности», «отдельные недостатки», «духовный гнет», «вековая мечта», «коренные преобразования», «общественное сознание», «мировая общественность», «мирный сози-

дательный труд», «самоотверженный труд», «бдительность», «верность курса», «беззаветно» и т. д. Стилистической нормой является использование большого количества терминов в превосходных степенях – «огромный», «беспрецедентный», «широкомасштабный», «процветание», «всемирное признание», «незыблемость», «широчайшие возможности», «все необходимые условия», и др. Претендующие на академичность научные тексты по новейшей отечественной истории и политологии часто напоминают газетные передовицы.

Притязания на объективность. В СССР объективное историческое знание – идеал науки, в конечном счете, совпадающий с советской наукой, в то время как в западной исторической науке осознавалось, что этот идеал желаем, но практически не осуществим. Различные историки работают в разных методологических парадигмах: марксистской, позитивистской, постмодернистской и т. д. Принципиально невозможно объективное (всестороннее) исследование в рамках отдельной работы. Объективность предполагает выход за рамки национальной, географической, религиозной и государственных парадигм, в то время как большинство исследований основано на них.

Возьмем среднеазиатскую историю. Все историки региона клянутся в объективности, которая в подавляющих случаях на проверку оказывается ее этноцентристской версией (казахской, кыргызской, таджикской, туркменской, узбекской).

Еще одной методологической характеристикой ОГН в Центральной Азии является **отсутствие междисциплинарных исследований**.

Заключение

Описанная в статье методологическая и логико-эпистемологическая ситуация отражает, с точки зрения автора, *массовое* состояние ОГН в странах Центральной Азии. Конечно, она не имеет никакого отношения к элитной прослойке обществоведов, чьи работы могут удовлетворить самого взыскательного читателя. Выступления этих ученых на междуна-

родных конференциях всегда вызывают неподдельный интерес. В странах региона также появилась прослойка молодых ученых, получивших образование или стажировавшихся за рубежом, владеющих языками, знающих зарубежную литературу, сумевших выработать навыки по-настоящему научного, творческого мышления, свободного от вируса национализма, устаревших методологических подходов и идеологических штампов. Вопрос заключается в том, чтобы поднять методологический и квалификационный уровень обществоведческого корпуса в странах центрально-азиатских стран в целом, особенно в провинциальных университетах. Это не простой процесс, включающий в себя ряд составляющих – политической, экономической, психологической и т. д. Важнейшим условием его продвижения автор считает внедрение эффективной и ориентированной на высокие стандарты системы оценки научно-педагогического труда и его стимулирования.

Примечания

1. Что означает данное понятие, никто не объясняет, но на практике каждый под ним понимает свои собственные взгляды.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 37. С. 370.
3. Фромм Э. *Душа человека*. – М., 1992. С. 378.
4. Marcuse H. *Soviet Marxism: a Critical Analysis*. – New-York: Columbia University Press, 1958; Stojanović S. *From Marxism to Post-Marxism // Culture and Modernity: East-West Philosophic Perspectives*. Ed. By E. Deutsch. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1991.
5. В СССР все преподаватели каждые 5 лет были обязаны посещать институты или факультеты повышения квалификации (6 месяцев), где слушали лекции по своему предмету. Эта система, с теми или иными вариациями, сохранилась в постсоветской Центральной Азии.
6. Ильхамов А. Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана. – Стамбул, 2002; Он же: Археология узбекской идентичности // Этнографическое обозрение, 2005, № 1.
7. Алимova Д. А., Арифханова З. Х., Аширов А. А., Назаров Р. Р. Еще раз о проблемах этноло-

гии в Узбекистане (в дополнение к дискуссии) // Этнографическое обозрение, 2006, № 3. – С. 117-119.

8. Типичным примером упрощения, выхолащивания и вульгаризации марксизма являются работы Сталина.
9. На этом, в частности, строилось уничтожение генетики в период сталинизма, когда конкретное обсуждение результатов локальных экспериментов подменялось общими спекулятивными рассуждениями на основе цитат классиков марксизма и работ Сталина.
10. Агзамходжаев И., Карамян М. Межнациональная толерантность ташкентцев (по результатам социологического исследования) // Общественное мнение. Права человека. 2009, № 2 (46)
11. См.: Масанов Н. Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы. 2007.
12. Masanov N. *Perceptions of Ethnic and All-National Identity in Kazakhstan // The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan*. Middle East Studies Series, N 51, Tokyo: IDE-JETRO p. 25.
13. Oka N. 2002 *Nationalities Policy in Kazakhstan: Interviewing Political and Cultural Elites // The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan*. Middle East Studies Series, N 51, Tokyo: IDE-JETRO, p. 111.
14. В строгом смысле слова разделение на коренные народы и мигрантов относительно, поскольку вся история человечества является историей миграций. Сколько лет должны люди проживать на данной территории, чтобы считаться коренными? Далекие (и не так далекие) предки этнических групп, проживающих сегодня на той или иной территории когда-то были тоже мигрантами. Ссылки на изначальную территорию этногенеза также проблематичны. В Центральной Азии нет «чистых» этнических территорий, которые изначально принадлежали только одной этнической группе. Кроме того, в образовании современных центрально-азиатских народов участвовали различные этнические компоненты из ареалов за пределами границ нынешних центрально-азиатских государств.

15. <http://www.turkmenistan.gov.tm/ruhnama/ruhnama-rus.html>
16. <http://www.prezident.tj/rus/vistupleniy040906.htm>
17. Ртвеладзе Э. В. *Историческая наука и псевдоистория Средней Азии* - <http://www.centrasia.ru/newsA.php?Month=9&Day=10&Year=2006>
18. Э. Ртвеладзе называет эти концепции как основанные на принципе этнической исключительности, основными признаками которых являются: 1) древнейшая государственность; 2) древность народа и его самоназвание; 3) гипертрофированный ареал государства или границ и территории расселения народа; 4) неоправданное возвеличивание своего народа и принижение значимости других народов - <http://www.centrasia.ru/newsA.php?Month=9&Day=10&Year=2006>
19. Кусаинов А.А. Исторический процесс сквозь призму этноцентризма – Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. – Волгоград, 2003. С. 86.
20. С точки зрения современных парадигм, в основе которых лежит гуманистическое понимание перспектив мировой цивилизации, подобная постановка вопроса выглядит довольно странной, поскольку любой народ и любое государство имеет право на «достойное место в мировой цивилизации», а не только те, что имели «великое прошлое».
21. Э. Рахмонов. Арии и познание арийской цивилизации. - <http://www.prezident.tj/rus/baromadho.htm>
22. Антиномия в символической логике записывается так: $A \ \& \ (\sim A)$ и читается: «А и не-А».
23. Оруджев З. М. Формально-логическое и диалектическое противоречие: различие структур // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 81.
24. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 277.
25. Там же. С. 167.